

подкрепляемое указанными наблюдениями над языком и содержанием сербских духовных стихов, получит свое объяснение, если мы обратимся к культурным и литературным отношениям Сербии к восточным славянам в XVII и XVIII вв. Эти века накануне зарождения национально-народной сербской литературы были в то же время эпохой особенного усиления культурных связей с Россией и Украиной, особенно в области литературы и школы.

Помимо церковных, богослужебных книг, московской и чаще киевской печати, циркулировавших у сербов, охотно их приобретавших и добывавших для удовлетворения практических потребностей (церкви, назидательного чтения), в XVII и XVIII вв. в Сербию идут из России и книги четьи. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до сих пор русские книги в сербских землях, записи на книгах и т. д.,¹² наконец, библиография сербская за это время,¹³ ясно показывающая, что эта «русско-украинская струя» тянется довольно долго даже в XIX в. рядом с уже развившейся вполне национальной литературой. На то же влияние Руси и отчасти Украины указывают не только «переводы» на славяно-сербский язык со славяно-русского произведений религиозно-поучительного характера (например, проповедей Гедео́на Балабана, Феофана Прокоповича, позднее Платона и др.),¹⁴ не только простые перепечатки русских книг, сделанные сербами.¹⁵ На то же указывают и самостоятельные произведения сербских писателей. Если известный Иван Рачич подражал своим украинским учителям, в этом нет ничего удивительного: он — воспитанник Киевской Духовной академии. Но на тех же образцах был воспитан и один из предшественников Досифея Обрадовича, раньше его оценивший значение живой народной речи; это был упомянутый Гавриил Стефанович-Венцлович.¹⁶ Из целого ряда писателей этого типа останавливаюсь несколько на Венцловиче потому, что он для нас особенно интересен в данном случае.¹⁷

Гавриил Венцлович (родился во второй половине XVII в., умер после 1746 г.) переселился в 1690 г. с патриархом Арсением Црноевичем в Австрию; здесь он списывал много книг, был учителем, переводчиком, любителем языков, как о том свидетельствуют его рукописи. Но он в России не был, переводил преимущественно с украинского [«Меч духовный» (1666) и «Трубы словес» (1674) Барановича и др.], с польского (Барония), с греческого и т. д. Этот же Венцлович в одном из своих сборников, составленных им в 1736—1740 гг., списав русские святы, привел несколько вирш на воскресение Христо́во (Сборник Академии наук Сербск., № 140/31, л. 646 и сл.). Вот одна из них:

Врши на въскрє́ние Хѣ́во
Христосъ въскресе! Живот нам дарует
И лучше еще дати обѣщует
Христосъ въскресе! и не умрет к тому,

¹² По этому поводу см. хотя бы мои заметки: И. Федоров и его потомство (Древности Московского археологического общества, т. XXIII. М., 1914, № 2, стр. 80 и сл.); один из сербских источников русской истории (Чтения в Обществе Нестора летописца, кн. XVIII, вып. 3—4. Киев, 1905, стр. 37—51).

¹³ Ст. Новакович. Библиографја српска за новију књижевност (1741—1867). Београд, 1869.

¹⁴ Там же, №№ 25, 33 и т. д.

¹⁵ Там же, №№ 7, 19, 21 и т. д.

¹⁶ Разбору его языка (отчасти его биографии) посвящена упомянутая книга Владана Йовановича.

¹⁷ Биографические данные заимствую из упомянутой книги Йовановича, приводимый же далее материал — непосредственно из рукописи-автографа (Белградская академия, № 140/31); ею не воспользовался Йованович, имевший в виду другие автографы Венцловича.